

М. Ростовцев

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В ДРЕВНЕМ МИРЕ¹

I

В современной научной литературе нет книги, в которой вопрос об истории международных отношений и международного права в древнем мире был бы разобран полно и обстоятельно, с привлечением всего имеющегося материала и с использованием всех результатов, добытых специальными исследованиями. Большая книга Филиппсона*) написана хорошим знатоком современного международного права, но дилетантом в области древней истории и истории древнего права. То же надо сказать и обо всех общих курсах истории международного права, а также о всех специальных статьях, касающихся истории международного права в древности, написанных юристами. С другой стороны, ни один из историков древности не дал нам общей работы, разбирающей международные отношения древности с исторической и юридической точек зрения. Но здесь, по крайней мере, мы имеем несколько серьезных работ по некоторым специальным вопросам, как, например, по вопросу о международных договорах и международном арбитраже**). В этом кратком очерке я не могу дать исчерпывающего освещения всей проблемы, но я хотел бы отметить некоторые основные точки зрения, на которые до сих пор мало обращено внимания, и подвергнуть с этих точек зрения пересмотру наиболее важные исторические материалы, имеющиеся в нашем распоряжении.

Первый вопрос, который каждый вправе поставить историку международных отношений в древности, — это вопрос о том, почему историю международных отношений и историю международного права надо начинать не с т. н. Средних веков, когда сложилась система современных западно- и восточно-европейских государств, а с классической древности, которая, казалось бы, так далека от современного мира. Думаю, что такой вопрос может быть только результатом исторического недоразумения.

Неправильно, во-первых, что современный мир родился из средних веков. Государственность средних веков настолько тесно связана с Римской империей, а отдельные государства Европы настолько неотделимы от римских провинций, что всякая грань между классическим миром и современным является искусственной и не реальной.

С другой стороны, современная государственность, право, религия и культура восходят в своих основах к классическому миру, и вся наша *mentalité*, все ее развитие было бы совершеннейшей загадкой, если бы мы не знали, что основы ее созданы были в классическую эпоху.

¹ Международные отношения и международное право в древнем мире [статья] // Современные записки. 1921. Кн. IV. С. 128–159.

*) Coleman Philippon. «The international law and custom of ancient Greece and Rome». London, 1911.

***) Niebuhr M. Tod. Greek international arbitration, Oxford 1913; A. Raeder, L'arbitrage international chez les Hellènes, Kristiana 1912; E. de Ruggiero, L'arbitrato publico e privato presso i Romani, Roma 1893; E. Täubler, Imperium Romanum, I, Leipzig 1914.

Это общее положение вполне применимо и к истории международного права. Я утверждаю, что в области современных международных отношений нет ни одной формы, в области международного права — ни одной руководящей идеи, которых мы не встретили бы, в зародыше ли или в полном развитии, в пределах классического мира. Я постараюсь доказать это положение в дальнейшем моем изложении.

Признавая доказанным это положение, мы вправе задать себе вопрос, почему в области развития классического мира одни из этих форм и идей дошли до своего логического вывода, другие просуществовали недолго и быстро захирели; одни идеи воплощены были в практику, другие нет. Ответ на этот вопрос дает история античного мира.

Античный мир дает нам полный цикл развития человеческой общественности от ее наиболее примитивных форм до высоких ступеней ее развития, а затем вновь от этих высоких ступеней до возвращения к старым, казалось бы, давно умершим формам. Эта смена в высокой степени поучительна. Зная ее причины и следя за действием этих причин на отдельные проявления общественной жизни, среди которых международные отношения не составляют исключения, мы в состоянии будем лучше осветить многие явления современности и определить возможные направления хода современного исторического развития. Европейское человечество до настоящего времени подымалось в гору, и мы знаем и можем исследовать только это восходящее развитие. Античность знала такое же долгое и неукоснительное движение вперед по пути прогресса, движение, длившееся тысячелетия, пока не пережила и другое явление, обратное, движение назад. Кто знает, не полезно ли нам в данный момент нашей эволюции серьезнее отнестись к возможности такого движения назад и в нашей культуре? Международные отношения, как и остальные стороны культурной жизни, являются хорошим показателем прилива и отлива в культурной жизни человечества.

Главный недостаток существующих попыток оценить значение истории международных отношений и международного права и понять их сущность в пределах истории классической древности заключается в том, что на древность современные юристы привыкли смотреть как на нечто целое, привыкли к антитезе: в древности было так, в современном мире — так. Юристам вообще свойственно, само по себе в высшей степени ценное, уметь систематизировать и обобщать. Но при этом забывают, что слишком широкие обобщения часто закрывают глаза на историческое развитие, и склонны считать признаком целой большой эпохи то, что было результатом данного момента в историческом развитии. Античная цивилизация существовала тысячелетия и пережила бесконечно разнообразные формы и типы социального развития. Эпоха наиболее ранних восточных государств (IV тысячелетие до Р. Хр.) так же далека от эпохи апогея восточных монархий во II тысячелетии до Р. Хр., как государство Меровингов далеко от Франции времен Людовика XIV. Эпоха раннего развития греческих городов-государств так же не похожа на эпоху высшего расцвета Спарты и Афин, как эпоха колонизации Америки не похожа на время президента Вильсона. Время, когда на берегах Тибра выросли первые латинские города, так же принципиально отлично от времени расцвета Римской империи, как период Арминия в Германии от периода Гогенцоллернов. В области изучения международных отношений мы не должны забывать этой очевидной и, если хотите, тривиальной истины. Исторический метод более чем где-либо необходим и уместен в интересующей нас области.

Позволю себе привести один пример, который введет нас *in medias res*. Несомненно, что основные принципы, составляющие базу международных отношений в античном и в современном мире, в корне различны. Естественным состоянием современного мира, как в настоящем, так и в прошлом, считается, с точки зрения теории и практики, состояние мира, а не войны. Война есть нарушение этого естественного состояния и трактуется как таковое и в международных отношениях, и в международном праве. Иначе — в древности, и притом, с небольшими колебаниями, на всем протяжении античного мира. Для всей почти древности естественное отношение одного государства к другому есть состояние войны. Мир существует только постольку, поскольку он обусловлен известным договором, результатом которого являются либо мир, либо дружба, либо союз. С остальными государствами, т. е. с государствами, с которыми нет договорных отношений, существующий *de facto* мир может в каждый данный момент превратиться в войну, т. е. отношение может быть определено как отношение потенциальной войны.

В чем причина этой разницы? В разнице воззрений на мир и войну? В психологии? В недооценке благ мира? Нет. Как и теперь, так и в древности, состояние мира, всеобщего мира, было идеалом, к которому одинаково стремились и восточные народы, и греки, и римляне. Дело не в этом, а в ходе исторического развития. Культура древнего мира возникла в нескольких культурных оазисах, окруженных пустыней варварства. Состояние войны было поэтому естественным для обоих этих миров. В пределах культурных оазисов шла постоянная борьба за власть между частями этих оазисов. Соглашение между этими частями всегда было временным и настолько непрочным, что не позволяло культурным государственным образованиям в рамках этих соглашений действительно отстоять свою самостоятельность от нападений извне. Поэтому объединение мыслилось не как договор равноправных между собою, а как подчинение сильнейшему, которое всегда сопровождалось вновь и вновь возникавшей борьбой в те моменты, когда центральная власть слабела. Юридическая и философская мысль боролась с этим результатом исторической эволюции и старалась создать условия, при которых не война, а мир сделались бы естественным состоянием, но исторические обстоятельства всегда оказывались сильнее теории, и общий мир осуществлен был только тогда, когда Рим наложил свою тяжелую руку на все культурное человечество и создал мир на развалинах человеческой свободы. Я еще вернусь в дальнейшем к этой эволюции.

Современные международные отношения сложились на других основах. Семья европейских государств выросла из единой Римской империи, осуществившей, как сказано было выше, на базе единого государства идеал всеобщего мира — *pax Romana* (Римский мир) для *orbis terrarum*, т. е. для того, что тогда понималось под именем вселенной. *Ara Pacis* (Алтарь Мира), выстроенная Августом на площади, посвященной Марсу (*campus Martius*), была памятником, запечатлевшим объединение мира вокруг Рима. Символом этого объединения и всеобщего мира была богиня Рима (Кота), изображающаяся на памятниках Августовского времени вооруженной женщиной, сидящей на груди оружия и держащей в руках Победу и оливковую ветвь (мир). Перед ней — символы вселенского мира: алтарь, символизирующий благочестие (*pietas*), рог изобилия — знак плодородия земли и изобилия плодов земных (*Abundantia*) и кадуцей, символизирующий мировую торговлю; оба последние символа изображаются лежащими на земном шаре, и этим подчеркивается их вселенское значение. Достаточно известно, что эта идея вселенского мира и мировой империи была завещана Римом европейскому миру, была воспринята

священной Римской империей, жила во Франции в эпоху абсолютизма и лежит в основе Вестфальского мира. Не умерла она и сейчас. Всеобщий вселенский мир и сейчас есть база правового миропонимания в области международных отношений.

Итак, только в исторической перспективе, кладя в основу идею эволюции, мы способны понять развитие международных отношений и международного права в древности. При этом надо помнить одну основную антиномию античного государственного и международного развития вообще. Я уже сказал, что античный мир, как современный, стремился к всеобщему миру. Но было два пути, которые могли бы повести к этой цели. Один путь был путь насилия: заставить людей не воевать, объединив их в одном могучем мировом государстве. Каждая попытка к политической самостоятельности отдельных частей такого мирового государства рассматривалась как восстание и подавлялась силой. По этому пути один за другим шли империалистические государства древности, в равной мере абсолютические монархии и сильные города-государства, как Спарта, Афины, Рим. Эпохи таких попыток были эпохами застоя политической мысли вообще и повели, в конце концов, к окончательному истощению античного мира и к быстрейшему падению цивилизации.

Другой путь к миру лежал через взаимное признание отдельными государствами их права на существование и на самостоятельное развитие. Он вел к созданию системы государств, взаимно друг друга уравнивающих, к т. н. равновесию сил (*balance of power*). Его методы, прежде всего, были методы мирные — договоры, арбитраж; и только в случае крайности — война. К созданию всеобщего мира эти эпохи равновесия сил не привели. Одна война за другой нарушали мирный ход эволюции. Но эти периоды были великими творческими периодами в истории международной мысли. В эти периоды возникли все те способы предотвращать войну, о которых мы будем говорить ниже: договоры, союзы, федерации, арбитраж, регулировка частно-правовых междугосударственных отношений, меры к смягчению ужасов войны и к более гуманному ведению ее — и т. д. Мы увидим ниже, что этим эпохам не чужда была и идея Лиги наций.

Позволю себе теперь, в рамках выше намеченных идей, дать краткий очерк исторического развития международных отношений и международного права в античном мире.

II

Я не стану входить в рассмотрение вопроса о том, каковы первые шаги, первые эмбрионы международных отношений и международного права. Вопрос этот далеко еще не выяснен и требует привлечения большого сравнительно материала, как исторического, так и этнографического. Поскольку я обзираю античный материал, возможно было бы думать, что древнейшими формами международных отношений были отношения гостеприимства между отдельными лицами, принадлежавшими к разным государствам, — база будущего частного международного права — и междугосударственный договор. Не вижу несомненного выхода из контroversы о том, возникли ли эти институты в результате мирных, преимущественно торговых сношений или как естественное следствие попыток регулировать междугосударственные отношения после войны, как результата желания смягчить суровое право войны, превращая заложников в гостей вместо рабов, сдачу на милость победителя — в эмбрион обусловленного договора. И здесь, может быть, истина лежит посредине: военные столкновения, война

всех против всех, и рядом — повелительные требования мирного экономического развития могли заставить людей ввести ряд эмбриональных институтов, способных смягчить жестокое право войны.

Как бы то ни было, уже первые наши исторические свидетельства, первые писанные документы говорят нам о существовании уже в это время основных форм международных отношений. И характерно, что свидетельства об этих формах относятся к эпохе, когда мы впервые встречаемся с существованием известного равновесия сил среди группы государств, впервые положивших основы культурного человеческого существования вообще. В IV тысячелетии до Р. Хр. на нижнем течении Тигра и Евфрата в бассейне этих рек возник и пышно развился ряд государств городского типа на племенной базе. Это были отдельные государства сумерийцев. От одного из царей одного из этих городов — Энтемены, правившего в Лагаше, — до нас сохранилось немало писанных документов, ключ к которым найден сравнительно недавно. Один из наиболее интересных памятников этого царя — это глиняный конус, вероятно посвященный богу, на котором записан был договор между царями двух соседних городов — Лагаша и Уммы. Как арбитратор между ними функционирует царь третьего сумерийского города — Киша. Он определяет линию границ территории двух спорящих государств.

Этот древнейший период существования равновесия сил длился недолго. Весьма возможно, что ему соответствовал такой же период в ранней истории второго государства, бывшего колыбелью человеческой культуры, — Египта.

Но в течение ближайшего тысячелетия государства Месопотамии и Египта объединились в два могучих монархических государства, главной задачей которых было защищать свои границы от нападения соседних варварских племен. Одновременно культурное влияние Вавилонии и Египта постепенно, в течение третьего тысячелетия, создало ряд других культурных монархических государств, главным образом, в Передней и Малой Азии. И постепенно стала создаваться новая система независимых культурных государств, почти равносильных. Я имею в виду, кроме Египта и Вавилонии, — государство хеттов в Малой Азии, сильное государство Митанни на верховьях Евфрата, крепкое государство, объединившееся около Элама (позднее Суса — столица Персидского царства), Критскую военно-морскую державу с ее пышными столицами Кноссом и Фестом, Ассирию — между Вавилонией и Митанни. Рядом с ними создавались меньшие государства, залогом существования которых было равновесие сил перечисленных великих восточных держав. Это были Палестина, финикийские города на сирийском побережье, некоторые арамейские государства, среди которых выдвинулся Дамаск, и т. д. Конечно, великие державы постоянно воевали одна с другой; конечно, они временно поглощали меньшие государства. Но ни одно из этих государств не в состоянии было приобрести господствующее положение, так как всегда против него образовывались сильные коалиции, клавшие предел его военным успехам.

Никогда на всем протяжении истории древнего Востока так не процветали разные формы международных сношений и отношений, разные междугосударственные комбинации, как во втором тысячелетии до Р. Хр. Государства постоянно обменивались посольствами, шла оживленная дипломатическая переписка, заключались договоры, союзы, возникали федерации. Дипломатия уже тогда нашла необходимым пользоваться для дипломатических сношений одним языком. Этим языком на многоязычном Востоке сделался язык наиболее культурной из держав — вавилонский.

Счастливая случайность дала нам возможность для одного периода в истории тогдашнего равновесия сил следить за развитием международных отношений на основании подлинных документов. В 1888 г. в столице Египетского царства конца второго тысячелетия — теперешнем *Tell el Amarna* — открыт был в руинах царского дворца при систематических его раскопках дипломатический архив царства. Несколько позже такой же архив открыт был в столице другого могущественного восточного государства — Хеттского. Столица эта — теперешний Богаз-кей — и, главным образом, царская цитадель и дворец систематически раскапывались, начиная с 90-х годов прошлого столетия. Среди других важных документов обоих архивов мы имеем возможность изучать в двух копиях — египетской и хеттской — один из важнейших документов дипломатического характера, датированный 1280 годом до Р. Хр., — договор об оборонительном и наступательном союзе, заключенный хеттским царем Хатушилом II со знаменитым царем Египта Рамзесом II. Египетский оригинал сохранен нам в двух копиях, увековеченных на стенах храмов, выстроенных Рамзесом II в Египте, хеттский перевод (на вавилонском языке) найден был в Богаз-кее записанным на глиняных цилиндрах. И то и другое — копии. Оригиналы были написаны на серебряных табличках, хранившихся в Египте и в М. Азии, в царских архивах. Договор этот длинен и подробен. Он содержит: введение, исторический очерк отношений между двумя государствами, клаузулу о мире и клаузулу об оборонительном и наступательном союзе; наконец, любопытную клаузулу о взаимной выдаче политических эмигрантов, разделенных на две категории: крупные политические деятели и подданные обоих государств, не имеющие политического значения. Договор скреплен клятвой именем соответственных богов и снабжен был печатями, описанными в малоазиатской копии договора.

Мы видели таким образом, что международные отношения уже в это время имели те же формы и находили себе то же юридическое выражение, что и в наше время. Можно ли, однако, говорить для этой эпохи о существовании международного права? Вряд ли. Международное право предполагает существование некоторых всеми признанных принципов юридического ли, морального ли или религиозного характера. Из этих элементов мы имеем только последний. Я не склонен преуменьшать значение этого момента и не стою на точке зрения экономических материалистов, которым везде мерещится призрак капитализма как основного фактора международных отношений и которые поэтому не склонны придавать принципам моральному и религиозному серьезного значения. Но надо помнить, что религия имеет различные периоды развития и не всегда идет рука об руку с моралью. Все восточные религии этого периода были чисто национальны. Боги отдельных восточных монархий были друзьями только своей нации и врагами всех других богов и наций. Пока ассирийский бог — Ашур — был заклятым врагом египетского Амона-Ра или персидского Аурамазды, религиозная санкция договоров имела ничтожное значение. Вспомним нашего старого знакомца «старого немецкого Бога»! При этих условиях периоды равновесия сил базировались исключительно на соотношении физических сил и материальных средств. Мораль и религия не имели серьезного значения.

Период национальных монархий сменился в истории человечества периодом монархий мировых. Ассирия своими мировыми завоеваниями показала дорогу. По этой дороге в середине I тысячелетия пошла Персия. Ей удалось создать истинно мировую монархию в тогдашнем смысле этого слова, т. е. объединить в одно государство все культурные государства на Востоке того времени. Настал, казалось, период всеобщего мира

на базе мирового государства. Формы международных отношений, казалось, должны были отойти в область предания, так как в мире был только один хозяин, у которого не было равных.

Но на периферии восточного мира, на берегах М. Азии и на Балканском полуострове постепенно возникал в первом тысячелетии до Р. Хр. новый культурный мир — греческий. Этот мир жил совершенно другим, не знакомым Востоку социальным и политическим укладом. Сотни самостоятельных городов-государств составляли основу этого уклада. Они все развивались по пути торжества идеи народоправства над идеей абсолютизма. Каждый из этих городов имел свою государственность, своих богов, свои законы, свое право. Они все были горды своей политической самостоятельностью, видели в этом палладиум своего существования и были готовы отстаивать эту свою самостоятельность до последних пределов. Они предпочитали быть уничтоженными и проданными в рабство, чем подчиниться чужому управлению.

Греция и ее города приняли полностью наследие восточной культуры, но развили его по-своему. Восприняли они и традиционные формы международных отношений, но придали им иной характер и влили в них иное содержание. За союзами и договорами начинает мерцать свет рождающегося международного права.

III

Пока Персия занята была созданием своего мирового государства, в Греции постепенно развивалась целая система мелких самостоятельных государств. Колонизация значительно увеличила число этих государств, создав группы греческих городов-государств на островах Эгейского моря, на западном берегу Малой Азии, на восточном берегу Балканского полуострова, на берегах проливов и Мраморного моря, на северном, южном и восточном берегах Черного моря, в южной Италии, Сицилии, Франции и Испании, на северном берегу Африки. Велика была расщепленность и разбросанность греческого мира.

Везде города-государства эволюционировали по одному общему пути. От царской племенной власти они переходили к аристократическому или олигархическому управлению, затем все, в большей или меньшей степени, иногда через стадию тирании, приближались к одной или другой форме демократического строя. В истории греческой жизни мы сталкиваемся с двумя основными тенденциями, с двумя основными силами: одна сила — центробежная, другая — центростремительная. Одна ведет к упрочению мелких городов-государств и к постоянным военным конфликтам между ними, другая, вопреки расщеплению, сумела создать единую греческую нацию, единый греческий язык, единую греческую религию, единую греческую культуру. Остановимся на некоторое время на этих центростремительных или лучше объединительных стремлениях. В них — ключ к пониманию той системы междугосударственных отношений, которая ближайшим образом нас здесь интересует.

Шестой век до Рождества Христова был великой эпохой в истории Греции. Развиваясь без помех извне, Греция в это время заложила базы своего национального и культурного единства. В политическом отношении это был период фактического равновесия сил. Правда, Спарта в эту эпоху играла выдающуюся роль в междугосударственной жизни континентальной Греции, но о ее гегемонии в этот период не может быть речи. Ее внешнее развитие приняло формы довольно слабой военной федерации некоторых

государств, главным образом, Пелопоннеса, под руководством Спарты. Федерация эта, однако, не нарушала основ политической самостоятельности ее членов.

Но, конечно, уже в этом факте известным образом проявились объединительные стремления Греции. Еще с большей силой они сказались на истории культурного развития Эллады. Первым шагом было создание одной общегреческой религии. Постепенно из хаоса различных примитивных культов племенного государства стали выделяться, под влиянием общегреческих, сразу признанных за таковые, эпических поэм — «Илиады» и «Одиссеи» — фигуры общегреческих богов-олимпийцев: Зевса, Аполлона, позднее — Диониса. Постепенно эти фигуры сложились в известную, более поэтическую, чем теологическую, систему. Никакой обязательности, никакого насилия в деле признания этих богов не было. Их принятие совершилось само собою, в том же психологическом процессе, в котором из сотен греческих диалектов постепенно формировался единый греческий язык. Фигуры богов постепенно просветлялись и приобретали те величавые чисто человеческие формы, которые постепенно вылились в пластические и живописные изображения их, вычеканенные гением греческих художников, творцов шестого и пятого века до Р. Хр. Мы знаем, какое громадное значение имели эти фигуры в дальнейшем развитии представления о божественном в классическом мире, а затем и в семье европейских наций. Зевс и Афина Фидия несомненно полнее и лучше выражают просветленную идею божественности, чем странные фигуры восточного искусства и полуабстрактные символы Зороастровой религии.

Коррелятом этого роста общегреческих богов были явления национального порядка в области культа и религиозной жизни Греции. Появляются святилища, приобретающие постепенно общенациональный характер: святилище Зевса в Олимпии, Аполлона в Дельфах и на Делосе, Посейдона в Коринфе. С ростом Афин и городская их богиня Афина начинает принимать национальный характер. Игры-соревнования, один из наиболее распространенных способов почитания богов, связываются с этими национальными порывами, и некоторые приобретают национальный характер. Всем известно, какое значение имели в жизни Греции игры в честь великого Олимпийского Зевса.

Параллельно религии растет и национальная культура. Гомеровские поэмы делают базой образования и фундаментом национального самосознания. Многие местные поэты VI в. почти сразу делают не поэтами своего города, а поэтами всей разбросанной Эллады. Философская мысль, высказанная где-нибудь в М. Азии, южной Италии или Сицилии, распространяется повсюду и постепенно входит в сознание всего эллинизма. Создается и тип культурной жизни везде одинаковый, тип грека — в противоположность всему, что не носит греческого облика, что не знает греческого языка; все это негреческое объединяется под общим именем «варвара». Постепенно, наконец, соединенными усилиями религии, поэзии и философии создается и неписанный кодекс морали, необязательный ни для кого, но принятый всеми и входящий как один из признаков в понятие эллина.

Сказывается это течение и в области междугосударственных отношений. Война как способ разрешения междугосударственных вопросов царит, но царит не безраздельно. Эллинизм ищет иного разрешения проблемы международных споров. Я уже говорил о пелопоннесской федерации. Наряду с ней мы имеем ряд так называемых амфикистий, т. е. полурелигиозных-полуполитических федераций, объединяющихся около одного святилища. Советы этих федераций кое-где начинают играть роль арбитров в разрешении споров, возникающих между членами федерации.

Точно сформулированные междугосударственные договоры не всегда и не везде в Греции являются последним актом войны. Многие из них — настоящая *foedera aequa* — регулируют отношения государств независимо от войны как способ ее предотвратить. Обычными являются договоры, регулирующие границы, и договоры коммерческие; договоры, заключенные иногда на вечные времена, но часто — на определенный срок. Во многих из них появляется клаузула, носящая общенациональный характер. И типично, что эта клаузула относится к области религии. Это клаузула об охране общегреческих святилищ. Мы находим ее даже в том договоре, которым Афины и Спарта регулировали свои отношения в 421 г., т. е. тогда, когда сила уже начала торжествовать над правом. Эта клаузула гласит: «Все, кто хотят, могут беспрепятственно приносить жертвы в святилищах, спрашивать совета у оракулов, посылать священные посольства, согласно древнему обычаю, на море и на суше. Святилище и храм Аполлона в Дельфах и город Дельфы да будут автономны, независимы в области обложения и юрисдикции сам город и его территория, согласно древнему обычаю».

Наиболее ярким проявлением в области междугосударственных отношений этого национального самосознания является не столько совместная борьба большей части Греции против общего врага — Персии, сколько — в области идейной — попытка Перикла, вероятно, в 447 г., создать лигу греческих государств для восстановления поруганных и разрушенных греческих святилищ совместными усилиями и для разрешения междугосударственных споров междугосударственным трибуналом. Для этой цели должен был собраться в Афинах всеэллинский конгресс. Ряд посольств для объезда греческого мира отправлен был из Афин. Спротивление Спарты не дало состояться ни конгрессу, ни лиге.

Может быть, одним из наиболее характерных институтов, созданных Грецией и игравших огромную роль в междугосударственной жизни Эллады, был институт междугосударственного арбитража. Начиная с VII в. до Р. Хр. случаи международного арбитража в Греции засвидетельствованы писателями и официальными документами. Ход дела обычно был таков: спорящие государства передавали разрешение дела нейтральной державе, которая и создавала для этой цели особый трибунал из своих граждан. Арбитраж иногда касался отдельного специального случая и был результатом специального соглашения, но часто особый договор между двумя государствами предвидел и устанавливал *обязательный арбитраж* всех споров, возникающих между договаривающимися. Характерно, что Персия, владевшая греческими малоазиатскими городами в VI в. и затем вновь в IV в. до Р. Хр., желая избежать постоянных кровавых столкновений между своими подданными, ввела сверху этот обязательный арбитраж и на нем настояла. Ясно, как глубоко проникла в греческое сознание эта идея мирного разрешения споров. Не забудем, что после ионийского восстания персы старались управлять малоазиатской Грецией при помощи институтов, знакомых и приемлемых для греков, а не чуждых им и навязанных верховной персидской властью.

Отмечу еще, наконец, два института, которые пышно развились в Греции уже в VI в. и, как арбитраж, никогда не были забыты греческим миром. Я имею в виду практику и теорию дипломатических сношений, с одной стороны, и развитие междугосударственного частного права — с другой. В Греции дипломатические сношения приняли регулярный характер. Правда, греки не содержали постоянных посольств в отдельных самостоятельных городах-государствах. Это было и невозможно, и ненужно. Сколько

посольств нужно было бы содержать отдельным государствам, когда таких государств в Греции были сотни?

Правда, в Греции не было профессиональных дипломатов, как не было профессиональных политических деятелей. В греческих городах почти каждый гражданин был в курсе и внутренней, и внешней политики. Но, конечно, и для политических поручений по внешним делам, как и для магистратур внутри государства, греки выбирали обыкновенно наиболее почетных деятелей и таких, которые хорошо были знакомы с жизнью того государства, куда отправлялось посольство. Наконец, отличительной особенностью греческой практики было почти полное отсутствие т. н. тайной дипломатии. В демократических общинах посольства выбирались и снабжались инструкциями в народном собрании, и ему же они делали доклад по возвращении их миссии к иностранной державе. Стоит прочесть превосходную сценку в комедии Аристофана «Ахарняне», чтобы убедиться, как оживленны и как регулярны были дипломатические сношения Афин в эпоху Пелопонесской войны и какое живое участие принимало во внешних сношениях народное собрание. Перед народом в «Ахарнянах» проходят последовательно: послы, вернувшиеся из Персии и привезшие персидского уполномоченного — «Глаз царя»; послы, вернувшиеся из Фракии; и т. д., и все их дела оживленно обсуждаются народом в торжественной обстановке. Само собою разумеется, что послы были неприкосновенны и экстерриториальны, т. е. изъяты от юрисдикции того города, где они временно пребывали. Эти права послов превосходно формулированы Цицероном, который здесь столько же имеет в виду греческую, сколько римскую теорию и практику, т. е. практику и теорию тогдашнего цивилизованного мира: «Неприкосновенность послов, — говорит он, — охраняется человеческими и божественными законами; послы священны и пользуются почетом; они неприкосновенны не только тогда, когда находятся в стране союзников и друзей, но и тогда, когда они находятся среди вооруженных сил неприятеля».

Интересны и меры, принятые греками к охране материальных интересов своих сограждан в чужой стране. Постепенно из института гостеприимства развился институт проксенов, который принял характер регулярного консульского представительства. Проксены, начиная с V в. до Р. Хр., в большинстве греческих городов представляют в своем городе тот город, от которого они получили право почетного гражданства — проксению. Иногда им поручались и дипломатические миссии. Так, например, они подготовляли прием посольств представляемого ими города и заботились о посольствах во время их пребывания в городе, гражданином которого был их проксен.

В связи с институтом проксении развилось и широкое регулирование защиты прав иностранцев. Самые широкие междугосударственные деловые отношения поощрялись большинством греческих городов. И в большинстве городов были организованы особые суды, разбиравшие дела неграждан с гражданами. Они руководились не столько действующим правом данного города, сколько специальными соглашениями, существовавшими на этот предмет между отдельными городами, т. е. коммерческими трактатами и т. д.

Немало содействовали все указанные учреждения и тому, что постепенно вырабатывались известные общепризнанные формы, которыми смягчались ужасы войны. Особенно интересны правила об обмене военнопленными и выкуп их, которым я собираюсь посвятить отдельную статью.

IV

Таковы были успехи, достигнутые Грецией в области постепенного превращения Эллады в семью государств, где, наряду с силой в междугосударственных отношениях, все большую роль играло право, принимавшее постепенно форму того, что мы привыкли называть международным правом. При этом далеко не всегда право уступало силе. Можем ли мы утверждать большее об основе наших международных отношений?

Пелопоннесская война, где столкнулись две державы, каждая из которых стремилась объединить Грецию на основе военной гегемонии, т. е. шла по пути империалистических держав Востока, прервала спокойное развитие роли права в междугосударственных отношениях Греции. Она в корне подточила правовое сознание эллина и вернула мир к вечной дилемме о том, в силе право или в праве сила.

Нельзя отрицать того, что торжество силы над правом подготовлено было известным идейным движением, начатым софистами, которые искали и находили философское обоснование для этого торжества силы над правом или, иначе, интересов государства над требованиями справедливости.

Яркие формулировки обоих принципов, т. е. старого греческого, основанного на морали и религии, и нового софистического, нетрудно найти на страницах гениальной истории Пелопоннесской войны Фукидида, в речах политических деятелей того или другого лагеря. Старый принцип греческой международной морали так, например, формулирован Коринфскими послами накануне Пелопоннесской войны, в 433 году: «Не говорите себе, что одно справедливо, но другое, в случае войны, выгодно, так как настоящая дорога к выгоде есть дорога справедливости... Не вредить соседу есть более верный источник власти, чем приобрести опасное превосходство под влиянием временной иллюзии». На приблизительно такие же аргументы Спарты в 432 г. афинский посол ответил совершенно в духе софиста Фрасимаха, собеседника Сократа в известном диалоге Платона: «Мировая власть была нам предложена; можете ли вы удивляться, что, действуя согласно человеческой природе, мы приняли ее и отказались расстаться с нею, действуя под влиянием трех основных мотивов: честолюбия, страха, выгоды. Мы не первые стремимся к господству; мир всегда понимал, что слабейший должен быть подавляем сильнейшим. И мы думаем, что мы достойны того, чтобы властвовать; и было время, когда вы думали то же; но теперь, имея в виду свою выгоду, вы говорите о справедливости. Разве право когда-либо кого-либо останавливало завладеть силой тем, что он был в состоянии захватить?»

Развитие этих идей и соответственной практики повело к тому, что в Греции постепенно наступил период политической анархии, войны всех против всех, временных и кровавых гегемоний. Одно время Афины, затем Спарта, затем Фивы пытались установить свою власть, власть «вооруженного кулака» над остальной Грецией. Но все эти попытки были недолговечны. Общественное мнение было на стороне права, и его сила сопротивления более, чем что-либо другое, помешала отдельным греческим державам надолго установить свою гегемонию в греческом мире. Война, конечно, в эту эпоху была решающим фактором, но наряду с нею не умерли и институты, способствовавшие мирному улаживанию споров. Характерно, что международный арбитраж в это время был так же обычен, как и война, и что эта эпоха впервые создала первые в мировой истории федеративные государства — федерации Ахейскую и Этолийскую, основанные не на военной гегемонии одного государства, а на равноправном объединении многих.

Но период политической анархии длился так долго и так осложнен был политическими и социальными переворотами внутри отдельных государств, что Греция не в силах была теперь сопротивляться вооруженному давлению извне. В 386 г. Персия продиктовала Греции свои условия мира, а через несколько десятков лет царь соседней Македонии — Филипп — сделался господином всей Греции. Интересно, однако, что и он облек это подчинение в форму полусоюза-полуфедерации для определенной цели — войны с Персией. Коринфский конгресс и союз ни в чем по форме не противоречили общепринятым в Греции формам междугосударственных отношений. Ближайшим этапом в развитии античного мира было восстановление мировой монархии Александром Великим. По существу это было то, чего добивался еще Дарий, т. е. объединение всего тогдашнего цивилизованного мира в одной мировой монархии. Разница была только та, что в мировой монархии Александра привилегированным, господствующим элементом были не персы, а эллинизированные македонцы и объединенные с ними греки; персы заняли в этой мировой монархии третье место. В вопросе о сочетании в одно целое восточной, монархической формы государственности с греческой, основанной на самоуправлении и политической независимости мелких городских государств, Александрова монархия не пошла дальше персидской практики. Как и персы, и Александр не осмелился коснуться существа греческой государственности: Греция, как и в эпоху Анталкидова мира 386 года, осталась юридически, т. е. формально, свободной. Мы знаем, что по тому же пути позднее пошли и римляне: и Фламинии, и император Нерон одинаково торжественно подчеркивали юридическую свободу Греции. Но на деле эта свобода была ограничена определенными пределами: греческие города, если хотите, были свободны, т. е. сохранили самоуправление и даже, в известных пределах, право политических сношений между собою, но они фактически лишились суверенитета. Их суверенитет был поглощен фактически центральным правительством новой мировой державы. Из этого следует, что и в этот период формы междугородских отношений в Греции остались те же, но над ними отныне тяготел контроль центрального правительства.

Государство Александра просуществовало после его смерти недолго. Сразу же после исчезновения Александра в македонской мировой монархии мы наблюдаем действие двух противоположных процессов. С одной стороны, мы видим тенденцию к поддержке и упрочению мировой монархии, т. е. тенденцию центростремительную. Но сильнее ее была тенденция центробежная, та же, что действовала и в последний период существования Персидского государства. Старые государства Востока, эпохи восточного «равновесия сил» с их налаженным государственным строем и с их сложившейся экономической и социальной структурой, стремятся вернуть себе прежнее самостоятельное существование и прежний суверенитет. Тот же процесс наблюдается и в Греции. Поэтому постепенно из многонациональной и многогосударственной мировой монархии выделяются сначала три большие и наиболее прочные государственные единицы: Египет, Македония и переднеазиатское государство, центр которого теперь перемещается к западу — в Сирию — и которое поэтому теперь называется Сирией. На этом, однако, процесс дезинтеграции не останавливается. Другие, более мелкие государственные образования эпохи первого тысячелетия стремятся к государственной самостоятельности: иранский мир выделяется и сплачивается около Персии, в М. Азии наследие Лидии получает Пергам, фракийские элементы М. Азии создают Вифинию, иранские — Понт, наследие хеттов воспринимает Каппадокия, наследие Ванского

царства — Армения, пришлые кельты объединяются в Галатии, отдельные сирийские и арамейские государства выделяются в самостоятельные единицы, например, Коммагена; наконец, на юге России Боспорская держава превращается в обычную эллинистическую монархию. Тот же процесс идет в Греции, в греческой М. Азии и на островах. Большие державы — Македония, Египет, Сирия — стараются удержать греческие города в зависимости от себя, но многие из этих городов приобретают такое значение и такое богатство, что, умело лавируя среди больших держав, делаются фактически самостоятельными и суверенными. Такое положение приобретает Родос и до него — федерация эгейских островов; на континенте Спарта сохраняет свою самостоятельность, Афины то теряют, то вновь приобретают ее, растет значение Ахейской и Этолийской федераций, объединяющих около себя все большее количество греческих городов и племен; в М. Азии создается Ликийская федерация, Милет по временам выступает почти самостоятельно, еще большую самостоятельность удерживают города на проливах и на Мраморном море — Византий, Кизик — и на Черном море — Синоп, Гераклея и многие города Фракийского побережья.

Таким образом, создается весьма сложное, поистине международное положение с огромным количеством крупных и мелких участников концерта держав. Эпоха равновесия сил, существовавшая на Востоке во II и I тысячелетии, и эпоха равновесия сил в Греции как бы сливаются в одно целое и создают равновесие сил эпохи эллинизма, просуществовавшее почти два столетия. В истории международных отношений и международного права эта эпоха сыграла огромную роль. Она далеко еще не подвергнута такому изучению, какого она заслуживает, но уже то, что мы знаем, показывает, что в деле развития и углубления старых принципов международных отношений эллинистическая эпоха сделала свой огромный вклад в сокровищницу мировой цивилизации.

Никогда перед руководителями внешней политики и дипломатами не стояло таких важных и сложных задач. Постоянной их заботой было либо нарушить, либо предотвратить нарушение равновесия сил. Поэтому на протяжении истории эллинизма каждый данный политический момент создает сложные по мотивам перегруппировки держав, их комбинации для тех или других политических целей. Весь тогдашний цивилизованный мир полон дипломатической работы, приводящей к бесконечному количеству договоров, союзов, федераций и т. д. Решающим фактором, конечно, остается сила и, как показатель ее, — война. Эллинистическая эпоха стоит под знаком силы и счастья, наиболее чтимая богиня нового мира есть Тихе — богиня Счастья. Но счастье счастьем, а ловкость и умение в области дипломатических отношений играли, может быть, не меньшую роль, чем счастье. И в этой работе вопросы права не стояли на втором плане, а были основой обсуждений и переговоров.

Не надо забывать, что к этому времени окончательно сложилась мировая греческая культура, одинаково близкая всем, кто руководил судьбами мира. Не надо забывать, что руководящим классом во всех государствах были греки или эллинизованные варвары, что все они говорили на одном языке, не только в буквальном смысле этого слова, но и в переносном, поскольку все они были воспитаны на одной и той же философской базе, чрезвычайно близкой теперь и к религии, поскольку всем им были понятны и очевидны одни и те же моральные и правовые принципы, поскольку все они вращались в одном и том же круге идей. Это не могло не оказывать и оказало огромное влияние и на область международных отношений. Все державы теперь заговорили на одном языке, и в дипломатических спорах все хорошо понимали, когда речь шла о праве, что

именно имеется в виду. Это право основано было на тысячах документов и прецедентов, и в основе его лежали одинаковые правовые идеи. В области большой политики оно не было кодифицировано, и поэтому уловить его основные линии можно было бы только в результате специального исследования, но в других областях мы находимся в лучших условиях.

Так, наладившаяся к тому времени мировая торговля и ничем не стесненный мировой обмен властно требовали регулировки этого обмена. Особенно важен был вопрос о морском праве, о прекращении пиратства и о регулировке междугосударственных, т. е., главным образом, частноправовых споров. После падения афинской морской гегемонии как руководящая сила в этой области выдвинулся Родос. И постепенно по молчаливому, вероятно, соглашению всех держав Родос сделался блюстителем порядка на море, и принятый им кодекс морских законов сделался нормой для всех морских держав. Родосский морской закон остался такой нормой и позднее, когда политическая гегемония, а затем и господство перешли в руки Рима. К сожалению, закон Родоса нам известен только в обрывках, но уже тот факт, что в византийскую эпоху аналогичный закон сборного происхождения ходил под именем Родосского закона, показывает, как велик был авторитет этого закона на всем протяжении Римской империи. И кто знает, может быть, более тщательное исследование как этого византийского закона, так и римских императорских морских законов, собранных в т. н. Базиликах, покажет, что отправным их пунктом был, действительно, закон Родоса.

Не менее интересен и тот ныне общепризнанный факт, что и в области гражданских отношений эллинистический мир от стадии сепаратных законодательств начал переходить к нормам права, в принципе одинаковым во всех частях эллинистического мира. На место «права городов» постепенно становится мировое право. Если принять во внимание тот факт, что в эпоху эллинизма взаимный обмен продуктами стал действительно мировым, что в крупных торговых центрах встречались и сожительствовали граждане и подданные почти всех более значительных государств, что переселение людей из одних центров в другие для развития более интенсивной экономической деятельности (вспомним еврейское «рассеяние») сделалось обычным явлением, то ясным станет необходимость создания общего международного частного права. В основу его, как и в основу общегреческого языка, создавшегося в эпоху эллинизма, легло право Афин, первой державы, пытавшейся урегулировать международные деловые отношения. Не сомневаюсь в том, что новое международное право эллинизма могуче повлияло на рождавшееся тогда международное римское право.

Может быть, наиболее важным явлением в истории международных отношений эпохи эллинизма надо считать тот факт, что нормы международных отношений постепенно перерабатывались в нормы отношений внутригосударственных. Мы это уже видели на примере создания общего морского закона и молчаливого принятия основных норм частного права, ставших и нормами гражданского права каждой страны. То же мы видим и в истории такого важного института, как международный арбитраж. Он перестает играть крупную роль в международной жизни. Крупные государства в регулировке своих отношений к нему не прибегают, предпочитая работу дипломатии, договоры и войну как средства для разрешения своих споров. Но в жизни более мелких государств, особенно греческих полунезависимых городов, арбитраж играет огромную роль, и количество известных нам случаев арбитража постоянно возрастает. Роль посредников и судей часто играют более крупные и сильные державы, к сфере

политического влияния которых принадлежали те или другие греческие города. Иногда они даже навязывают арбитраж зависимым от них городам. И этим путем арбитраж из сферы международного права постепенно уходит в область норм, регулирующих жизнь сложных по государственно-правовой конструкции государств эпохи эллинизма. Как и во многом другом, и здесь Рим унаследовал в устройстве своих внутригосударственных отношений теорию и практику эллинизма.

В общем надо сказать, что в области международных отношений эпоха эллинизма отмечена двумя явлениями. Цивилизованный мир пошел назад в области приближения к идеалу всеобщего мира. Об этом в эпоху эллинизма говорят только немногие теоретики. Международное право, рождения которого мы могли бы ожидать в среде греческих городов-государств, не родилось, поскольку речь идет о писаных общепринятых определенных нормах. Но, несомненно, создался на всем протяжении эллинистического мира известный идейный субстрат, который при благоприятном развитии мог бы быть основой и международного права. Призрак мирового государства как будто отошел на задний план, а долгое существование равновесия сил, конечно, могло, в конце концов, привести к тому состоянию международного права, в котором оно находится в наше время. Показателем этого являются факты новотворчества в области частного права.

Но политические условия античного мира оборвали это развитие. На западе появилась новая держава, которая силою вещей постепенно, иногда и помимо своего сознательного желания, сделалась сначала хозяином международного положения, а затем и господином всего цивилизованного мира Я говорю о Риме.

V

Политическое развитие Рима началось приблизительно в VI в. до Р. Хр. Более ранние стадии нам почти неизвестны. Когда эллинистический мир впервые заметил существование Рима, Рим успел уже создать объединенное всеиталийское государство, более сильное, чем каждое из эллинистических государств, взятое в отдельности. За это время Рим, не без влияния со стороны греческого мира, успел создать и свои нормы международных отношений и основы своего международного права, выработанные в Риме и для Рима и этим резко отличающиеся от греческих.

Небольшое латино-этрускское государство в ранний период своего развития, Рим, благодаря своей дальновидной, твердой и эгоистической политике, становится сначала руководящей силой в Лации, а затем — центром всеиталийской многонациональной лиги городов и племен. С точки зрения истории международных отношений образование этой лиги представляет специальный интерес. Вся лига была построена на системе договоров, большая часть которых была результатом войн, почти неизменно удачных для Рима. При помощи этих договоров Рим создавал около себя все расширявшееся ядро «друзей» и «союзников». Остановимся на этих договорах. В отличие от греческих договоров, римский договор никогда не довольствовался восстановлением мира между Римом и второй договаривающейся стороной. Он всегда исходит из старого представления, которое почти окончательно разрушено было Грецией, но возведено в принцип Римом, что естественным состоянием отношений между Римом и его соседями является война. Поэтому длительные мирные отношения могут существовать между Римом и другими государствами только тогда, когда договор обеспечивает создание между Римом и его контрагентом «дружбы» или «союза», и притом не на срок, а на вечное

время. Дружба же и союз Римом понимались соответственно фактическому соотношению сил, не как дружба и союз равноправных, а как дружественные и союзные отношения с руководителем, который постепенно превращался в господина. Договор носил во всех своих основных клаузулах обычный для античности характер договора равных, т. е. *foedus aequum*. На деле, при помощи дополнительных клаузул, договор создавал отношения не равноправные, а подчиненные, причем эти дополнительные клаузулы, конечно, всегда диктовались Римом в его интересах.

Поэтому договор как основа жизни римского «союзного» государства из договора междугосударственного постепенно превращается в способ регулировки внутрисударственных отношений. Итальянский союз делается не федерацией, а сплоченным околоримским государством, хозяином которого является Рим. Интересной особенностью этого государства является то, что оно не только создается, но и остается основанным на договорах, заключенных Римом с отдельными членами союза. Условия этих договоров Рим в большинстве случаев соблюдал, но на нарушение их союзниками смотрел не как на право союзников порвать договор, а как на восстание, которое и подавлялось соответствующим образом. Такой характер носит огромное большинство римских договоров с итальянскими государствами. Исключения имеются, но они только подтверждают правило. Коммерческие договоры с Карфагеном выходят за пределы междуиталийских отношений и были продиктованы Риму Карфагеном, почему они так резко отличаются от договоров, вырабатывавшихся в Риме. Редкие неудачные войны Рима в Италии иногда вели к договорам необычного для Рима типа. Но при повороте счастья Рим всегда заменял их договорами своего типа. Несомненно также, что тип этот выработался не сразу и что на заре своей истории Рим мог заключать и договоры иного типа — настоящие *foedera aequa*. Но практика исторического времени была именно такою, какою я ее охарактеризовал.

Рим был глубоко убежден, что его действия строго легальны, соответствуют праву божескому (*fas*) и человеческому (*jus*). Он хвалился тем, что никогда не вел «несправедливых» войн, т. е. войн, не бывших в соответствии с правом. И со своей точки зрения он прав, так как право он понимал как нормы религиозного и светского права, принятые в Риме. А то, что соответствовало этому праву, было и справедливо. Поэтому «*justum bellum*» была война, объявленная с соблюдением всех норм римского фециального права, т. е. права, выработанного в Риме и носителями которого являлась особая коллегия жрецов — фециалы. Договоры, заключенные Римом, были также с его точки зрения «*justa*», поскольку они соответствовали нормам того же фециального права, и «*aequa*», поскольку стороны вольны были принять их или не принять и поскольку основа договора действительно построена была по типу настоящего международного договора. Совершенно так же Рим трактовал и нормы частного права, поскольку речь шла о регулировке отношений с негражданами Рима, с т. н. *peregrini*. Эти отношения регулировались т. н. «*jus gentium*», выражение, которое почему-то часто переводят термином «международное право», *jus gentium* есть не международное право, а римское право, применяемое Римом в отношениях с другими *gentes*, т. е. народами, и поэтому несколько модифицированное, более подвижное, более гибкое, менее связанное. Но это все-таки римское право, глубоко отличное от того, которое начинало делаться нормою в эллинистическом мире. Когда Рим закончил свое строительство в Италии, он пришел в контакт с державами эллинистического мира. Первые его шаги на этом пути, если отвлечься от его отношений с Египтом, были войны, сначала с Карфагеном, затем

с восточными державами. Рим этим самым вошел в семью эллинистических держав. Первое время, создавая свои коалиции в борьбе с отдельными противниками, Рим принял нормы, господствовавшие в международных отношениях эллинизма. Но длилось это недолго. Когда оказалось, что нет силы на Востоке, равной Риму, Рим и в деле своих международных договоров перешел к своей практике договора, которым обязательно создавались отношения «дружбы» или «союза», т. е. отношения зависимости с частичным или полным лишением контрагента Рима его политической суверенности. Стоит только внимательно вчитаться в договоры, которые Рим последовательно заключал с Карфагеном, с Македонией и Сирией, чтобы в этом убедиться. Форма их есть форма договора между равными, дополнительные клаузулы все более и более выдвигают Рим как господина, его контрагентов — как вассалов. Шаг за шагом мир превращается в нечто подобное Италии в эпоху существования италийского союза. Надо всем стоит Рим, рядом с ним — друзья и союзники, т. е. фактически вассалы, и, кроме того, ряд территорий, принадлежащих Риму, его имений, соответствовавших владениям Рима в Италии, — его *ager publicus*, его *saltus*; их Рим называет провинциями. Войдя в семью эллинистических держав, Рим, конечно, усвоил все внешние формы международных сношений эллинизма, несомненно, не чуждые ему и раньше. Но самое существо дела, однако, в корне менялось с каждым новым успехом Рима. И постепенно римские послы, являясь в чужую страну, не договариваются более с нею, а командуют; иностранные же послы в Риме не обсуждают, а просят, и весьма часто просят униженно. Позволю себе привести один пример. В середине II в. до Р. Хр. Антиох IV, царь Сирии, пытался завоевать Египет. Он был уже почти под стенами Александрии. Внезапно дорога ему была преграждена посольством из Рима, во главе с претором Попиллием. «Попиллий, — говорит Полибий (XXIX, 11 (2, 22)), — был приветствован на большом расстоянии царем. Но он не принял протянутой ему руки, а вручил царю дощечки, на которых написано было постановление сената, и потребовал, чтобы царь немедленно его прочел... Прочтя сенатус-консульт, царь ответил, что он желал бы спросить совета у друзей, как ему поступить. Но Попиллий, у которого в руках была трость из виноградной лозы, обвел ею круг в песке вокруг Антиоха и потребовал от царя немедленного ответа. Царь, пораженный этим высокомерным поведением, ответил, что он сделает все, что ему приказывает римский народ. В сенатус-консульте было написано, что Антиох должен немедленно прекратить войну с Птолемеем. Этим путем создалось мировое римское государство и осуществились мечты «о мире всего мира». Но мир этот основан был не на праве, а на силе, и поддерживался не столько общим признанием, сколько страхом. Конечно, это был большой регресс по сравнению с эпохой греческих городов-государств и даже по сравнению с эпохой эллинизма. Но надо, однако, помнить и то, что в пределах Римской империи продолжались те же процессы, которые начались уже в эллинистической Европе и Азии. Многие институты, о которых мы говорили, не умерли, но продолжали жить как части мирового организма Рима. Так в Римской империи римское *jus gentium* действительно стало если не международным правом, то правом всех народов, объединенных в Римской империи. Так всеобщий мир народов сделался действительностью, а не мечтой. Фактически, конечно, Римская империя не покрывала собою всего мира и даже не совпадала с цивилизованным миром. Вне ее досягаемости остались все иранские народы на с. и на ю.-в., и не вошли в ее пределы народы германские, постепенно приобщавшиеся к римской культуре. Таким образом, у императорского Рима была и внешняя политика, и дипломатия, и международные отношения. В области истории

дипломатии особенно интересно широкое развитие института переводчиков, будущих драгоманов современности. В области международных отношений интересны отношения между Римом и вассальными царствами, напр., Арменией и Боспорским царством на Черном море. К порогу средних веков приводят нас отношения между Римом и отдельными германскими племенами, которым, как и своим вассалам, Рим часто платит за их услуги и нейтралитет. Но все эти государства Рим рассматривает не как равные себе, а как нечто несоизмеримое с собою, нечто стоящее где-то далеко внизу. На иранский же и германский миры Рим смотрит как на врагов, и между ними и Римом могут быть соглашения, но не может быть мира. В конце концов, для Рима они в лучшем случае — будущие вассалы. Таковы были взгляды уже Августа, и их он завещал всем своим преемникам.

Позволю себе в заключение этой статьи привести несколько выдержек из политического завещания или отчета, вернее — *comptinique* Августа римскому народу, где он в систематическом порядке перечисляет все, что сделано им для Рима. В отделе о внешней политике он говорит, между прочим, следующее: «Я расширил пределы всех римских провинций, соседствующих с народами, не находящимися под нашей властью». И далее, перечислив свои завоевания, Август говорит: «Ко мне не раз являлись посольства из Индии, не виданные кем-либо из прежних вождей. О нашей дружбе просили посольства бастарнов и скифов, царей сарматов, живущих за Доном и дальше к Востоку, царя албанцев (на Кавказе), а также послы царей иберийцев (грузины) и медов»... «Мне Фраат, сын Орода (царь Персии), прислал всех своих сыновей и внуков, хотя и не побежденный на войне, но искавший нашей дружбы путем передачи нам сыновей своих как заложников. Во время исполнения мною обязанностей главы римского народа народы, никогда до этого времени не обменивавшиеся посольствами с нами и не состоявшие с нами в дружбе, ознакомились с верностью римского народа».

Таковы основные этапы развития международных отношений в древнем мире. Как в наше время, они часто меняли свой облик, в зависимости от общего состояния мира в ту или другую эпоху. Древность знала свои периоды творчества и переживала периоды застоя и упадка. Но некоторые основные понятия и идеи, раз выкованные, не были и не могли быть забыты. Некоторые формы остаются на протяжении тысячелетий неизменными. И, хотя, на первый взгляд, современный мир начал свою эволюцию с весьма примитивного уклада, присматриваясь ближе, мы без труда видим, что многие достижения античности им не были забыты и легли в основание того творчества, которым вправе гордиться современное человечество.

М. Ростовцев
Madison (Wis.)